- Урнов М
    -

Урнов М
Конан Дойл, Шерлок Холмс и профессор Челленджер

М. УРНОВ

КОНАН ДОЙЛ, ШЕРЛОК ХОЛМС И ПРОФЕССОР ЧЕЛЛЕНДЖЕР

Послесловие

(к сборнику А. К. Дойла "Затерянный мир")

Конан Дойл созрел как писатель в пору, когда в Англии развивалось литературное течение, называемое неоромантизмом, то есть романтизмом новым в отличие от романтизма первых десятилетий века, а также в противоположность натурализму и символизму - двум другим течениям, сформировавшимся в последней трети XIX столетия. Р. Л. Стивенсон с его "Островом сокровищ" (1883) - первый и образцовый представитель неоромантизма, его теоретик и вдохновитель. Неоромантиком был Джозеф Конрад и, кроме того, ряд менее значительных писателей, из которых в свое время особенным успехом пользовался Райдер Хаггард, автор романов "Дочь Монтесумы", "Копи царя Соломона" и др.

"Как надоело все расслабленное и как требуется нам нечто сильное и яркое", - говорил Стивенсон, выражая в нескольких словах устремления неоромантиков. Он спорил с упадочными настроениями декадентов, с их унынием, замкнутостью, он протестовал и против убогого бытописательства.

Неоромантики не разделяли пристрастия натуралистов к бытовой атмосфере и к приземленным героям. Они искали красочных, энергичных, вдохновенных героев, необычной обстановки, бурных событий.

Фантазия неоромантиков двигалась в разных направлениях: они звали читателей в прошлое или в далекие земли, к неизведанному и необычному. Они совсем не обязательно уходили от современности, но представляли ее с неожиданной стороны, вдали от городских будней.

Конан Дойла влекло историческое прошлое, влекли моря, и не только дальние, но и вымышленные страны, а главное - романтика рядом, где-то здесь, за углом. У Герберта Уэллса есть рассказ "Волшебная лавка", у Конан Дойла - "Таинственная дверь", и по этим двум произведениям видно, как владело английскими писателями стремление неожиданно открыть средь бела дня некую тайну, вдруг отыскать "дверь в стене", через

которую можно будет проникнуть в необычайный мир. Шерлок Холмс называл это своим "пристрастием ко всему необычному, ко всему, что выходит за пределы привычного и банального течения повседневной жизни". Но тот же Шерлок Холмс следовал четкому правилу: "Чтобы отыскать эти непонятные явления и необычайные ситуации, мы должны обратиться к самой жизни, ибо она всегда способна на большее, чем любое усилие фантазии".

Последуем этому совету, и прежде чем говорить о писателе и его книгах, обратим внимание на некоторых людей, его окружавших. Перед нами встанут, собственно, три фигуры - словно тени, они возникают за спиной многих персонажей Конан Дойла.

Кто же они?

Джордж Бадд, студент Эдинбургского университета, впоследствии доктор Бадд. Когда под пером Конан Дойла явится прославленный сыщик Шерлок Холмс, он получит свою неукротимую энергию от Джорджа Бадда, бригадир Жерар заимствует у него же манеру прихвастнуть, а профессор Челленджер в "Затерянном мире" будет совершенно так же, как Бадд, носиться то с проектом обезвреживания торпед, то нового и дешевого способа получения азота из воздуха и т. д. и т. п.

Следующий - профессор анатомии Эдинбургского университета Вильям Резерфорд. Лекции, рассказывают, он начинал читать еще в коридоре, постепенно входя в аудиторию. И это было одно из мелких и безобидных чудачеств, которые за профессором числились. Черная, особого фасона борода Резерфорда - вот она у того же профессора Челленджера вместе с другими привычками, манерами и фантазиями ученого-оригинала.

И еще одно, особенно важное лицо. Доктор Джозеф Белл. С него, по мнению многих, "списан" Шерлок Холмс. Исключительная наблюдательность Белла, также преподававшего в Эдинбургском университете, его умение "прочесть" биографию человека, разгадать его прежнюю жизнь по внешности, одежде, речи, жестам и подсказали будто бы писателю удивительную проницательность Шерлока Холмса. Ничего подобного, заявляет по этому поводу Адриан Конан Дойл, сын писателя. То, что различные критики, считает он, слагали лавры Шерлока Холмса к ногам доктора Белла, - совершенная ошибка. Адриан сослался на слова Конан Дойла, сказанные им однажды. "Если и был Холмс, так это я сам". Он подразумевал все те же свойства натуры, склад личности - волю, настойчивость, умение насквозь видеть людей, умение строго логически мыслить, силу воображения - все, что отличает Шерлока Холмса и что

было по-своему присуще и Бадду, и Беллу, и Резерфорду.

Писатель редко копирует в том или ином персонаже одно определенное лицо. Литературный герой соединяет в себе множество авторских наблюдений, и последовательных и случайных.

Кто был Шерлоком Холмсом? Вопрос также слишком прямолинейный, и к нему не следовало бы возвращаться, если бы черты тех, кто в той или иной степени "был" им, не группировались вокруг некоего психологического центра, а более всего не воплощались бы в самом авторе.

Итак, наконец, сэр Артур Конан Дойл - "большого сердца, большого роста, большой души человек", - сказал о нем Джером К. Джером. В Конан Дойле охотно различали свойства, которые англичане любят считать особенностями своего национального характера. Например, спортсменство. Не в специальном смысле, а в более широком понимании тренированности тела и духа, энергии и энтузиазма.

У абсолютного большинства читателей имя Конан Дойл вызывает в памяти героя многих его произведений - Шерлока Холмса. На доме, где родился писатель, имеется надпись: "Создатель Шерлока Холмса..." Между тем Конан Дойл далеко не только "создатель Шерлока Холмса", он автор семидесяти книг: здесь сборники рассказов, повести, романы - приключенческие, фантастические, исторические, путевые очерки, стихи, труды по... спиритизму и, наконец, автобиография "Воспоминания и приключения (конечно же!) сэра Артура Конан Дойла". Есть разные свидетельства, что знаменитый сыщик не пользовался особенным расположением самого писателя. Гораздо больший вес придавал Конан Дойл своим историческим романам. И на это имелись у писателя личные причины.

Сын писателя, все тот же Адриан Конан Дойл, с гордостью подчеркивает, что в британском "Словаре национальных биографий" значатся пять представителей фамилии Дойлов. Среди них Джон Дойл, дед писателя, портретист и карикатурист, а также Ричард Дойл, дядя писателя, художник журнала "Панч", иллюстратор Теккерея, Диккенс и Теккерей были в числе семейных знакомых Дойлов. Когда в "Национальные биографии" вошло и жизнеописание Артура Конан Дойла, то там говорилось, что он происходит из семьи, "хорошо известной в области литературы и искусства". Следует добавить: и довольно древней фамилии. Имена далеких предков Конан Дойла попадаются на страницах романов Вальтера Скотта. Сэр Деннис Пэк, дядя матери, вел в бой Шотландскую бригаду в битве при Ватерлоо. "Одни в нашей семье, - говорил Артур

Конан Дойл, - были благородны по происхождению, другие - по своим устремлениям".

За время последней, предсмертной болезни Конан Дойл нарисовал шуточную автобиографическую картинку "Старый конь": он изобразил себя под видом понурой, дряхлой клячи, которая тянет тяжело груженный воз ("труд всей жизни"), а позади - длинный путь. Разные вехи на этом пути! Конан Дойл обозначил те, что казались ему существенными, символическими рисунками и поставил имена и даты. Вышло все очень наглядно.

Телега жизни начинает свое движение с той поры, которую Конан Дойл представил младенцем, орущим в ванночке. Эдинбург, 1859 год. Там и тогда, 22 мая, родился "создатель Шерлока Холмса". Его отец Чарлз Элтимонт Дойл был архитектором и художником, служил же он всего-навсего клерком в конторе. Человек тонкий, привлекательный внешне и духовно, натура творческая и совершенно непрактичная. Чарлз Дойл был неудачником. Конан Дойл до конца своих дней считал отца незаурядным живописцем; он мечтал на склоне лет собрать и устроить выставку его работ, растерянных где попало. Умер Чарлз Дойл в инвалидном доме, еще до того как все дети подросли и стали на ноги.

Это теперь в "Словаре национальных биографий" читается столь торжественно: "Семья, известная в области литературы и искусства". Между тем обладатели известного имени жили, как говорится, в "убогом благополучии". "Существовали мы в тяжелой атмосфере бедности, - вспоминал писатель, - и каждый из нас старался как мог помогать младшим в семье".

Артур должен был бы, собственно, зваться просто Дойлом, однако ему, как и его старшей сестре, дали еще имя Конан, в честь дяди отца - Мишеля Конана, полуфранцуза-полуангличанина, художника и литератора. Мишель Конан не имел наследников и, желая сохранить свое имя, передал его внучатым племянникам.

Шотландец по рождению, ирландец по национальности, англичанин по воспитанию - так биографы считают необходимым указывать на своеобразие судьбы Конан Дойла.

Большую роль в жизни Конан Дойла играла его мать Мэри Фоли. Об этом говорит хотя бы их переписка, очень сердечная и весьма обширная: сохранилось до полутора тысяч писем Конан Дойла к "матушке". Английские исследователи творчества писателя упорно говорят о том, что дар рассказывать у него свойство потомственное, идущее от давних, еще рыцарских традиций семейства. Бывалый человек развлекает своих

слушателей рассказами - как знать, может быть, этот способ повествования, повторяющийся в "Подвигах" и "Приключениях" бригадира Жерара и в других произведениях Конан Дойла, - потому и казался писателю особенно естественным, что он усвоил его с детства! Конан Дойл говорил прямо: "Настоящая любовь к литературе, склонность к сочинительству идет у меня, я считаю, от матери". Он пояснял: "Если я что-нибудь и помню со времен моего раннего детства, так это ее увлекательные рассказы, которые сохраняются у меня в памяти столь живо, что заслоняют даже действительные события моего существования тех лет. Она не только была и есть удивительный рассказчик, но владела, я помню, так искусно умением понижать голос до устрашающего шепота, что у меня и теперь пробегают мурашки по коже, когда я вспоминаю об этом. Я убеждаюсь, оглядываясь на прошлое, что именно стремление воспроизвести эти рассказы детства дало толчок к развитию моей собственной фантазии".

Какие-то мрачные башни и стены - следующий пункт на пути "старого коня". Это приготовительная школа Годдера, а затем иезуитский колледж Стонихерст (графство Ланкашир), где в 1869 - 1876 годах прошел школьную выучку Конан Дойл. Писатель не нарисовал и никак иначе не обозначил начальную школу в Эдинбурге - тут ведь сделал он первые шаги в образовании. Но школа эта не изгладилась из его воспоминаний. Забыть ее было трудно. Учитель с ремнем в руках - вот была бы, пожалуй, наиболее показательная иллюстрация к этому эпизоду из жизни Конан Дойла. "В возрасте от семи до девяти лет, - писал он потом, - я страдал под властью рябого одноглазого мерзавца, который будто бы сошел со страниц Диккенса". Чтобы еще живее представить себе атмосферу этой школы, следует, вероятно, перечитать всколыхнувшие в свое время всю Англию главы из диккенсовских "Приключений Николаса Никлби", где изображается детский пансион.

"Он калечил наши юные жизни", - вспоминал об этом учителе Конан Дойл. И как раз в столкновении с такой жестокостью и, как видно, очень рано обнаружилось удивительное здоровье натуры писателя. Он ребенком испытал жестокость, пережил ее, она оставила заметные рубцы, а все же не вселила в его душу неисправимую робость, дрожь и даже неприязнь к напористой силе. Конан Дойл всю жизнь ценил умение, если требуется, дать сдачи.

"Иезуитский колледж" - звучит страшно. У Дж. Джойса в романе "Портрет художника в юные годы" (1904 - 1914) описано на основе личного опыта суровое иезуитское учебное заведение. Конан Дойл жил в

Англии, но и здесь нравы иезуитов оставались столь же средневековыми. Та же сухость во всем: в методе и материале преподавания, в обращении с воспитанниками, в распорядке жизни и в пище. Даже розгу звали похоже: у Конан Дойла "Толлей", а у Джойса - "Торкай".

К этому времени определился круг чтения Конан Дойла, чтения еще юношеского, однако, как и детские рассказы матери, сохранившего влияние на интересы всей его жизни. "С тех пор, - говорил он о детстве, - мне приходилось в самом деле стрелять медведей и охотиться на китов, но все не шло ни в какое сравнение с тем, как я пережил это впервые с мистером Баллантином или капитаном Майном Ридом в руках". Майн Рид, Р. М. Баллантин, автор романа "Коралловый остров", - пора мальчишества. Теперь же, в Стонихерсте, Конан Дойл попадает под власть Вальтера Скотта, зачитывается "Айвенго". Особую роль в его литературной ориентации сыграли "Этюды" крупного английского историка Т. Б. Маколея. Это была одна из тех задушевных для него книг, импульс впечатления от которых действует долго. Маколей увлек его манерой изложения, живостью исторических картин и выразительностью портретов. Кроме того, хотя тогда это еще не могло быть юношей осознано, Маколей патетически защищал продвижение той среднебуржуазной прослойки, к которой принадлежал и Конан Дойл. "Этюды" занимали почетное место у него на полке до конца его дней.

Со школьных лет в Конан Дойле буквально "заговорил" рассказчик. Услышанное от матери, прочитанное, игра пробудившегося воображения - все это просилось наружу, и он занимал устными повествованиями своих товарищей. Рассказы продолжались изо дня в день и так неделями, свидетельствует Конан Дойл в своих воспоминаниях. Он выдумывал что-нибудь захватывающее, чтобы происходили битвы, схватки, чтобы лилась кровь и совершались подвиги.

И рассказы, и Вальтер Скотт, и Маколей - все это держалось в стороне от наставнических глаз.

Как ни тягостно было у Годдера и в Стонихерсте, но и на этот раз сказалась прочность характера Конан Дойла; тогда "конь" был совсем молод и усердно тянул поклажу. "Должен сознаться, - писал он впоследствии жене друга, спросившей у него совета, - что я не нахожу систему воспитания в Стонихерсте удачной, и я бы, например, не послал туда своего сына, если бы он у меня был. Они чрезмерно старались воздействовать страхом и слишком мало любовью или разумом". Тем не менее "упрямый маленький мул" (так назвал себя писатель) выполнял требуемое, получал награды и успешно закончил курс.

Конан Дойл не отметил рисунками поездку, предпринятую после окончания колледжа: в Лондон, затем на континент, в Австрию, и на обратном пути - в Париж. Между тем именно в эту пору решалась его дальнейшая судьба. Мэри Фоли не ради экономии средств, а по убеждению не оставляла мысли о карьере священника для своего сына. В Австрии он опять находился в иезуитском колледже, в той же, по существу, обстановке. Однако в Париже он встретился со своим двоюродным дедом Мишелем Конаном, редактором "Журнала искусств". Полагают, что Конан, сам литератор, был убежден в писательском призвании своего внучатого племянника и оказал решительное воздействие и на родителей и на Артура. С церковными планами было покончено.

Усидчивый студент за книгами - таков очередной символ на пути "старого коня". Это значит Эдинбургский университет, 1876 - 1881 годы. Авторитет Мишеля Конана подействовал, однако, не вполне и не сразу. Более влиятельным оказалось слово доктора Уоллера, друга семьи, по совету которого Конан Дойл решил сделаться врачом и поступил на медицинский факультет.

Здесь и слушал он лекции Джозефа Белла, профессора Резерфорда, здесь свел дружбу с Джорджем Баддом. Особенно удивительны были занятия с доктором Беллом. Белл пользовался в Эдинбурге всеобщей популярностью. Сохранилось немало рассказов, как умел он сам и как учил студентов "разгадывать" людей.

- Что с этим человеком, сэр? - вопрошал он дрожащего студента. Посмотрите-ка на него получше! Нет. Не прикасайтесь к нему. Пользуйтесь глазами, сэр! Да, пользуйтесь глазами, действуйте мозгом! Где ваш бугор апперцепции? Пускайте в ход силу дедукции!

Занятия Конан Дойла двигались успешно. Не забывал он и литературу, хотя писательство было для него пока вторым делом, развлечением, хобби. Еще когда он был студентом, ему удалось кое-что опубликовать. В октябре 1879 года в "Чемберс джорнэл" появился его рассказ "Тайна Сэсасской долины", а "Лондон сосаети" принял "Американскую повесть". Вещи эти прошли незамеченными. Впрочем, и в памяти самого автора они не оставили существенного следа.

Несколько позднее, но все же в ранние годы своего писательства Конан Дойл сотрудничал в журнале "Корнхилл мэгезин" и очень гордился этим. В свое время там активно печатался Теккерей, а потом - Р. Л. Стивенсон. Рассказы Конан Дойла помещались анонимно, чтобы не навлечь на молодого автора гнев рецензентов.

Каникулы предпоследнего года обучения в университете Конан Дойл

провел в плавании. Ему повезло, и он попал корабельным врачом на судно, отправлявшееся в арктические воды. Новые горизонты открылись перед ним и необычайно вдохновили молодого человека. В 1881 году Конан Дойл получил университетский диплом, став М. Б., то есть "Бэчелер оф Медисн" бакалавром медицины. На этом, однако, профессиональная подготовка не заканчивалась. Надо было сделаться М. Д. - доктором медицины. И 1882 1890 годы оказались заняты, как пометил на своем жизненном маршруте Конан Дойл, врачебной практикой. В 1882 году он снова в плавании, на этот раз южном. Он повидал Западную Африку.

В Англии Конан Дойлу пришлось сменить несколько городов и не раз сняться с места, прежде чем он удачно обосновался в приморском городке Саутси. В одном из мануфактурных магазинов Саутси продавцом служил... Г. Дж. Уэллс. Будущий автор "Человека-невидимки" прошел в молодости трудовую школу. Хозяин этого магазина как раз лечился у доктора Конан Дойла, и доктор, в свою очередь, был его постоянным клиентом, однако на продавца он тогда как-то не обратил внимания.

В послеуниверситетские годы Конан Дойл пережил духовный перелом и окончательно отошел от религии. Для него, родившегося и воспитанного в традициях ирландского католичества, это был очень болезненный кризис. И тем не менее ни католицизм, ни англиканская церковь не смогли удержать его в своем лоне. Большое влияние оказывала на него тогда наука естествознание и философия, представленная в Англии именами Дарвина, Томаса Гексли, Герберта Спенсера, Дж. Стюарта Милля. Эти люди, отмечал позднее Конан Дойл, были решительными отрицателями и вместе с тем в нравственном отношении куда меньше предлагали взамен, чем отбрасывали, но сила их раскрепощающего воздействия на умы была непреодолима.

Изображая себя самого этого времени на пути "старого коня", Конан Дойл нарисовал фигуру молодого человека в легком пальто и шляпе и с каким-то не то ореолом, не то облаком над головой. То были, видимо, его мечты и надежды добиться места в жизни. И он многого достиг. Здесь, в Саутси, за восемь лет не только сформировался доктор Конан Дойл, но и явился Конан Дойл - писатель. Желанные литеры М. Д. прибавились к его имени в 1885 году, когда он защитил диссертацию. А в 1887 году вышла в свет первая его повесть, "Этюд в багровых тонах". Главные персонажи этой повести потом долго не разлучались с писателем. Это были доктор Уотсон и Шерлок Холмс.

Первый рассказ из серии "Приключения Шерлока Холмса", "Скандал в Богемии", появился в июле 1891 года в "Стрэнд мэгезин", и детектив с

Бейкер-стрит прочно укрепился на страницах этого журнала. Конан Дойл очутился на некоторое время во власти собственного персонажа. Через два года он при всей своей выдержке, здоровье и плодовитости стал тяготиться непременной надобностью продолжать нескончаемую цепь похождений Шерлока Холмса. "Дорогая матушка, - сообщал он Мэри Фоли в одном из писем. - ...Я решил убить Шерлока Холмса. Он отвлекает меня от более важных вещей". "Кровожадное" намерение было выполнено: в рассказе "Последнее дело Холмса" (1893) Шерлок Холмс погиб в схватке с профессором Мориарти. Но отделаться от любимца читающей публики оказалось не так-то просто. И хотя в конце рассказа было подчеркнуто определенно, что эксперты не имели двух мнений по поводу исхода борьбы грозных соперников на краю жуткой пропасти, хотя говорилось, что попытки отыскать тела разбившихся не дали никакого результата, тем не менее лет через десять Шерлока Холмса пришлось воскресить.

Конан Дойл с большим энтузиазмом занимался исторической темой. Первый его исторический роман вышел тотчас следом за "Этюдом в багровых тонах". Затем появилась любимая книга самого Конан Дойла - роман из английской истории XIV века "Белый отряд".

В 1901 - 1902 годах на страницах журнала "Стрэнд мэгезин" Конан Дойл опубликовал образцовую в своем роде повесть "Собака Баскервилей".

С 1891 года Конан Дойл оставил поприще врача. Литература стала для него профессией. Он продолжал путешествовать. Ездил по Европе; в Швейцарии, в Давосе, познакомился с Редьярдом Киплингом. Конан Дойл высоко ставил стихи Киплинга, однако тут же ревниво замечал: "А большой прозаической вещи ему не написать..." В Норвегии он был вместе в Джеромом К. Джеромом, и тот оставил об этой поездке забавные воспоминания вполне в духе "Троих в одной лодке". Конан Дойл пересек океан и посетил Соединенные Штаты, где выступал с публичными чтениями своих произведений. Был в Египте.

Попробовал Конан Дойл свои силы и в драматургии. Его пьеса "Ватерлоо" (1894 - 1895) с выдающимся английским актером Генри Ирвингом в главной роли прошла очень удачно в Бристоле и в Лондоне.

Уже на закате своих дней Конан Дойл встретился творчески с крупным кинорежиссером Альфредом Хичкоком, который снял по его сценарию фильм "Ринг" (1927).

1900 год - англо-бурская война. Конан Дойл снова врач. Он добровольно стал главным хирургом в полевом госпитале, организованном богатым филантропом. По возвращении с фронта он составил свой писательский отчет о войне - книгу, которая вызвала широкий отклик в

общественном мнении и политических кругах. С тех пор Конан Дойла стали называть Патриотом. Ведь это в конечном счете тот самый "патриотизм", о котором А. И. Куприн выразительно писал в очерке "Редиард Киплинг", где упоминался и Конан Дойл: "беспримерно жестокая колониальная политика".

Конан Дойл выпустил еще одну книгу, "Война в Южной Африке; ее суть и события" (1902), где в сжатом виде изложил свою точку зрения. Он значительно сблизился со сферами высшей английской политики. Получил дворянское, рыцарское звание, стал сэром. Дважды, в 1901 и 1906 годах, он баллотировался на выборах по Эдинбургскому округу, однако оба раза безуспешно. Но это не охладило и не исчерпало общественного пафоса писателя. Свою незаурядную энергию он устремил в иную область. Так, с завидной настойчивостью и совершенно безвозмездно Конан Дойл выступал ходатаем за некоего Джорджа Эдалжи, который в 1903 году был осужден на семь лет тюрьмы. Дело его было состряпано полицией. Узнав об этом в 1906 году, Конан Дойл в январе 1907 года опубликовал в "Дейли телеграф" серию статей, принял другие энергичные меры и добился окончательного оправдания своего подопечного.

На исходе 1900-х годов Конан Дойл оказался вовлечен в широкий международный конфликт по поводу политики Бельгии в Конго. Теперь он выступил с развернутым осуждением колониальной политики, впрочем, именно Бельгийской колониальной политики, которая нарушала ряд соглашений относительно Конго, касавшихся Англии и Франции. Когда произведенные им разоблачения постарались опровергнуть на том основании, что он тенденциозно осветил факты, желая лишь способствовать интересам Англии, Конан Дойл отвечал на это: "Бельгия не управляла своей колонией. Она просто выжимала из нее соки, заставляя силой местное население отправлять пароходами все сколько-нибудь ценное в Антверпен". Конан Дойл привел в самом деле сильный разоблачительный материал, дал картину бесчеловечия и беззакония колониальных бельгийских властей, того, одним словом, что и было указано в заглавии его книги - "Преступление в Конго" (1909).

При энергичной литературной работе Конан Дойл не оставлял и спорта. Он не просто отдыхал или поддерживал свои силы, а опять-таки вел целую деятельность, организуя, вдохновляя, пропагандируя. Не зря же громоздкий воз, который тянет "старый конь", венчают боксерские перчатки, клюшки для гольфа и лыжи. Летом 1911 года Конан Дойл отправился в Германию для участия в англо-немецком автопробеге. Здесь его застал так называемый "инцидент Пантера - Агадир", то есть

провокационная вылазка немецкого военного судна, возвестившая приближение общеевропейской катастрофы. "Что-то это все значит!" - заметил тогда же Конан Дойл приятелю, но пробег все-таки закончил.

С началом первой мировой войны писатель, которому исполнилось пятьдесят пять лет, снова готов был идти добровольцем, и снова он видел в этом миссию ветерана, обязанного подать пример. "Мне дана только одна жизнь, чтобы прожить ее, - писал он брату Инессу Дойлу, в будущем генералу, - и вот возможность пройти удивительное испытание, что к тому же способно оказать благотворное воздействие на других". Но его предложение было отклонено. На фронт ушли сын, брат, два племянника, зять, брат жены Конан Дойла. Все погибли. Сын Кингсли был ранен на Сомме в горло и за несколько часов до перемирия скончался от воспаления легких. Тот же недуг унес брата Инесса.

Всю войну Конан Дойл писал не покладая рук, по неостывшим следам событий он составлял летопись этого беспримерного мирового потрясения. Его "История действий английских войск во Франции и Фландрии" начала выходить в 1916 году - гремела война, а к 1920 году были изданы шесть томов.

Конан Дойлу предложили посетить театр военных действий. Результатом поездки была его книга "На трех фронтах" (1916). Он посетил английскую, итальянскую и французскую армии, то есть побывал на позициях, где в это время сражались будущие авторы романов "Огонь", "Смерть героя", "Прощай, оружие!". Конечно, ни революционного пафоса Анри Барбюса, ни горечи разочарования Олдингтона или Хемингуэя не мог бы разделить Конан Дойл. Он смотрел совершенно иными глазами. Сам готовый идти на смерть и принесший тяжкие личные жертвы, он видел в происходящем героический трагизм. Он прекрасно понимал, что, даже если смотреть с оптимистической и благожелательной точки зрения, положение дел гораздо более сурово, чем это изображается в официальных сообщениях. Но сам он преисполнен был воинственного воодушевления, и это по-особому окрашивало в его глазах и армейские будни и настроение солдат.

Конан Дойл не искал обособленности, не знал внутреннего отъединения. Напротив, писатель постоянно оставался "на улице", на людях. И если он подчас отстаивал некую свою позицию, то опять-таки в пределах общего потока, не сопротивляясь ему. Убеждая отправить его на фронт в возрасте пятидесяти пяти лет, Конан Дойл ссылался, в частности, на то свое преимущество, что у него еще достаточно мощный голос, чтобы увлечь за собой солдат.

"Железный Киплинг", также склонный мыслить государственно, - и тот предпочитал иногда остаться в стороне. Конан Дойл же все время здесь, в центре событий. Он убеждал и разубеждал в чем-то правительство, спорил с генералами, воевал с судьями, писал в газеты, конфликтовал с собратьями по перу, и тем не менее он оставался с ними. В то же время в своих демократических симпатиях Конан Дойл был осторожен, предпочитая не переходить известной грани. Сословный дух жил в нем так же неистребимо. Однако когда речь шла о солдатской или хотя бы спортсменской спайке, тут Конан Дойл оставался "обыкновенным человеком", готовым разделить общую участь.

В нем жил решительный, органичный, проникающий всю его натуру оптимизм, и символично, что после его смерти был найден конверт с записями, где говорилось: "Я не страшусь того зла, которое способен мне причинить человек".

Книги Конан Дойла определенно складываются в несколько циклов. Каждый из этих циклов соединен тематически или судьбами одних и тех же героев, или одного и того же героя. Так следуют одна за другой книги о бригадире Жераре, книги, где действует Шерлок Холмс или профессор Челленджер.

Приключения Шерлока Холмса занимают четыре романа (как называл их автор, но точнее сказать, повести); "Этюд в багровых тонах", "Знак четырех", "Собака Баскервилей", "Долина ужаса" - и пять сборников рассказов.

Шерлок Холмс - артист, исследователь в своем роде, но только не чиновник сыска и не "ангел-хранитель" буржуазной собственности, каким был Лекок у Эмиля Габорио или позднее американский "король сыщиков" Нат Пинкертон. Обитатель кабинета на Бейкер-стрит в Лондоне - одинокий мастер; ни денежное вознаграждение, ни интересы какого бы то ни было дела или фирмы не составляют мотивов его деятельности. И о восстановлении справедливости он риторически почти не рассуждает (этой фальши было довольно в "пинкертоновских" выпусках). Шерлок Холмс занят логической сложностью задачи. И как раз его исследовательский артистизм, свободный от слащаво-мещанской добродетели, делает его привлекательным героем, заставляя верить на слово в его правоту. В лучших вещах, конечно.

И не первая повесть Конан Дойла "Этюд в багровых тонах" создала Шерлоку Холмсу и его создателю имя. Шерлок Холмс раскрылся по-настоящему в циклах рассказов: в его "Приключениях" (1892) и "Записках" о нем (1894), составленных доктором Уотсоном. "Союз рыжих", "Человек с

рассеченной губой", "Голубой карбункул", "Пять апельсиновых зернышек", а также "Пляшущие человечки" из сборника "Возвращение Шерлока Холмса" (1905) - вот образцы. Именно после этих рассказов Шерлок Холмс заставляет помнить о себе как о живой, цельной и незаурядной личности.

У Конан Дойла также часто спрашивали, кто он сам: Шерлок Холмс или доктор Уотсон? И писатель опять в недоумении разводил руками. Ни тот, ни другой отдельно, в нем содержались оба, как и вообще жизнь связывает противоположности, "лед и пламень", безумные фантазии и здравый смысл, проницательность и простоватость. Друг без друга эти крайности даже менее интересны.

Все же Конан Дойл гораздо большее значение придавал своим историческим романам.

Три эпохи из прошлого Англии и Европы особенно интересовали его. Это, во-первых, времена Столетней войны XIV - XV веков. Затем XVII столетие, пора Английской буржуазной революции. Наконец, наполеоновские войны, от Трафальгара до Ватерлоо. Им писатель посвятил несколько произведений, в том числе "Подвиги" и "Приключения" бригадира Жерара. К этому циклу примыкает "Родни Стоун" (1896); время действия романа относится к первым десятилетиям прошлого века, те же имена Наполеона и Нельсона встречаются на его страницах. Однако исторические события, государственные персоны проходят в нем бледным фоном, больше всего внимания уделено спортивным нравам и лицам, главным образом боксу, атмосфере, окружавшей "ринг", колоритным фигурам боксеров, кодексу спортивной чести. В жанровом отношении это роман переходный - от исторического к социально-бытовому. Впрочем, ему предшествовал социально-бытовой роман Конан Дойла "Торговый дом Гердлстон" (1890).

К историческим романам Конан Дойла примыкает небольшой цикл рассказов о далеком прошлом. Среди них рассказы из истории Рима и римского владычества в Англии последних его дней. Писателя, как можно видеть, интересовали узловые этапы английской истории.

К прошлому Конан Дойл обращался с воодушевлением исследователя и тщанием реставратора: он добивался максимальной бытовой достоверности в картинах ушедших времен. Каждому историческому роману Конан Дойла предпослан список книг, специальных и популярных, которыми он пользовался, восстанавливая картину той или иной эпохи. Например, приступая к роману "Родни Стоун", Конан Дойл читал "Историю флота", "Историю бокса", "Историю скачек", "Времена кучеров". Он перечислял эти книги не только потому, что в Англии строго

соблюдается авторское право и даже частичный плагиат может повлечь за собой судебное дело, но потому также, что писатель хотел подчеркнуть основательность повествования. Будет преувеличением сказать, что он и сам занимался исследованием. Нет, он лишь умело и талантливо компилировал, цепко выбирая выразительные детали, черты обихода, приметы нравов, манер, особенности речи. В каком-то смысле Конан Дойл действовал теперь так же, как поступал он еще в ученические годы: пересказывал, преображая прочитанное.

Однако сверх живой детали, бытовой достоверности есть еще другая, гораздо более принципиальная "правда истории" - собственно правда, представление о которой зависит от угла зрения на прошлое, от авторской тенденции. И здесь дело обстоит сложнее.

Конан Дойл откровенно тенденциозен в своем подходе к истории. И здесь он ищет людей родственной ему среды, следя за тем, как от прошлого к настоящему совершалось их продвижение. На этот счет у писателя существует своя, так сказать, правда, свой пафос истории. И в этом продолжают действовать ранние его пристрастия. Конан Дойл по-прежнему сохраняет привязанность к Т. Б. Маколею, ибо по-своему оправдывает повороты и жертвы истории там и тогда, где торжествует среднебуржуазная прослойка.

Конан Дойла привлекают цельные, жизнелюбивые и волевые характеры, героями его исторических романов выступают люди, чуждые религиозного фанатизма и сословной ограниченности, проникнутые свободолюбивым духом, наделенные чувством личного достоинства. Обращаясь от прошлого к современности, он духу наживы и буржуазному хищничеству стремится противопоставить дух бескорыстия и благовидной деятельности, дельцам-живоглотам - деловых людей иного склада. Вместе с тем он невольно обнажает зависимость неприглядных и преступных явлений, злобных характеров и зловещих замыслов от условий жизни, как, например, в "Торговом доме Гердлстон".

Хотя исторические романы Конан Дойла, а также "Торговый дом Гердлстон" имели успех, все же им не была суждена столь долгая и постоянная жизнь в читательской памяти, какая была у книг о Шерлоке Холмсе.

Научно-фантастические повести Конан Дойла оказались в этом смысле много удачливее. Их читают с интересом и увлечением. Интерес возбуждают научно-фантастические предположения и догадки, причудливые характеры, занимательность остро событийных сюжетов и необычность изображаемого. К жанру научной фантастики Конан Дойл

обратился уже в XX веке, почти два десятилетия после того, как вышли и стали знамениты романы Герберта Уэллса "Машина времени" (1895) и "Человек-невидимка" (1897). Профессор Челленджер появился вслед за Шерлоком Холмсом и бригадиром Жераром.

"Затерянный мир" (1912), "Отравленный пояс" (1913), "Маракотова бездна" (1929) - именно фантастические свои произведения, и прежде всего "Затерянный мир", Конан Дойл посвятил "мальчику, наполовину ставшему мужчиной, или мужчине, наполовину оставшемуся мальчиком", то есть читателю, готовому отправиться в страну вымысла. Впрочем, фантазируя, Конан Дойл также стремился к достоверности.

Работая над повестью "Затерянный мир", населяя плато на Амазонке разными доисторическими животными, Конан Дойл консультировался со специалистами. Замысел повести возник у него под влиянием английского ученого Фосетта, который рассказывал писателю о своем путешествии в южноамериканские джунгли. Впоследствии на той же территории он пропал без вести. По утверждению французского профессора зоолога Бернара Эйвельманса, высказанному им в книге "По следам неизвестных животных", место действия "Затерянного мира" - горы Рикардо-Франко Хиллс, где Фосетт был со своей экспедицией в 1908 году и о которых он писал: "Время и человек оставили эти вершины в неприкосновенности. Они возвышались здесь, покрытые лесами, словно потерянный мир, и воображение смело могло населить их существами, уцелевшими от давно прошедших веков. За оградой из неприступных скал, избавленных от борьбы с новыми условиями изменяющейся природы, чудовища зари рода человеческого, может быть, продолжали владычествовать здесь... словно в естественном заповеднике. Так думал, во всяком случае, Конан Дойл, когда впоследствии в Лондоне я рассказал ему об этих возвышенностях и показывал сделанные мною снимки. Он мечтал написать роман с местом действия в центре Южной Америки и расспрашивал меня о многом. В результате появился его "Затерянный мир", который заслужил столь громкий успех". Бернар Эйвельманс писал в свою очередь: "Даже некоторые малопригодные для большинства животных местности могут оказаться надежным убежищем для приспособившихся к этим условиям. Какой-нибудь участок девственного леса, болото, высокая гора, подземная пещера - всюду могут объявиться "затерянные миры". Впереди еще много удивительнейших зоологических открытий".

На замысел "Затерянного мира" и его воплощение оказал, в частности, влияние своими трудами и советами зоолог Эдвин Рей Ланкастер. "Как насчет гигантской змеи длиной в шестьдесят футов? - предлагал Ланкастер

Конан Дойлу новых обитателей "Затерянного мира". - Или зверя, похожего на кролика, а величиной с быка?"

"Затерянный мир" вышел самой удачной и убедительной научно-фантастической книгой Конан Дойла. Вот почему, должно быть, подобно тому, как искали на Бейкер-стрит дом Шерлока Холмса, современные летчики пролетая над Амазонкой, высматривают плато, описанное Конан Дойлом.

Успеху научно-фантастических произведений Конан Дойла в немалой степени способствовали их герои, и прежде всего профессор Челленджер. Как и Шерлок Холмс, это натура деятельная, энергичная, знаток и рыцарь своего дела, не пасующий перед препятствиями. Ученый-исследователь, он свое незаурядное дарование и жизненную силу посвятил науке, ради научной истины готов на риск и жертву, в экстремальных ситуациях проявляет находчивость, мужество и отвагу. Однако это человек не без крайностей в своих суждениях и поведении. О нем говорят, что он фанатик науки и что его любезность может быть "почти так же ошеломительна, как и его грубость". Трудно смириться с крайностями его характера, но понять и объяснить их проявление все же можно. Неумеренность и несдержанность его тона и поступков возникают в конкретных обстоятельствах, когда он сталкивается с шарлатанством, карьеризмом, газетной шумихой, саморекламой и с оскорбляющим его достоинство недоверием. Доисторические животные, говорит он, характеризуя дикие нравы и наглую заносчивость и нетерпимость, являются "нашими предками, но не только предками... а и современниками, которых можно наблюдать во всем их своеобразии - отталкивающем, страшном своеобразии". Это резкое мнение не только возмущенного профессора Челленджера, но и самого автора. Он симпатизирует своему герою и вызывает к нему симпатию читателя. Профессор Челленджер обладает замечательными качествами и человека, и ученого, и автор не боится "унизить" своего героя, отмечая, даже подчеркивая его слабости и недостатки. Читатель невольно посмеется или, во всяком случае, улыбнется про себя, когда в главе XIII "Затерянного мира" будет читать о встрече Челленджера и других участников экспедиции с человекообразными обезьянами, возможно, как сказано в повести, с "недостающим звеном" в эволюции человека, которые признали профессора за своего собрата. "...Старая человекообезьяна, по-видимому, вожак племени, оказалась точной копией Челленджера... Когда эта обезьяна стала рядом с Челленджером и положила ему лапу на плечо, эффект получился потрясающий".

Причудливые черты во внешнем облике и в характере - особенность не только профессора Челленджера, но и профессора Маракота, героя повести "Маракотова бездна", также одержимого страстью к науке и научному дерзанию. "Задача пионера науки всегда состояла в том, чтобы опровергать то, что было доказано", - вот его девиз и наставление, в котором в парадоксальной форме выражена потребность значительных научных открытий.

Быть понятным, интересным и умным - таковы требования, которые Конан Дойл предъявлял писателю. Некоторые крупные литераторы, отмечал он, иногда сполна удовлетворяют последнему условию, однако два первых им никак не даются, и дорога к широкому читателю закрыта для них. Такова была судьба выдающегося английского романиста и поэта Джорджа Мередита, которого Конан Дойл знал лично и ставил как мастера высоко. Конан Дойл же старается по мере своих сил следовать всем трем пунктам, и книги его до сих пор не выпускают из рук читатели самых разных стран и возрастов.

"Много было писем из России", - вспоминал в автобиографии Конан Дойл, говоря об откликах на свои произведения, главным образом на рассказы о Шерлоке Холмсе. Конан Дойла знают у нас давно, и большинство его художественных произведений переведено на русский язык и другие языки народов СССР.

У нас ценили и ценят Конан Дойла за талант увлекательного рассказчика, за его жизнелюбие и веру в человека и его разум, за силу фантазии и мастерство, с каким он строит напряженный детективный или приключенческий сюжет, за серьезное отношение к писательскому труду и уважение к читателю, который любит занимательное чтение.

М. У р н о в